

И. А. САФРАНЧУК

ОБ ИТОГАХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В АФГАНИСТАНЕ В 2014 ГОДУ И СУДЬБЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА*

*Сафранчук Иван Алексеевич. к.пол.н., доцент кафедры Мировых политических процессов МГИМО МИД России, профессор Академии военных наук, член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: And6958@yandex.ru*

Аннотация: Работа посвящена одному из сложнейших вопросов региональной политики на Среднем Востоке – выборам президента Афганистана в 2014 году. Рассматриваются итоги президентских выборов, политические и правовые дилеммы вокруг этих итогов, их последствия для так называемого «политического транзита» в Афганистане.

Ключевые слова: Афганистан, президентские выборы 2014 года, политический транзит.

21 сентября 2014 года А. Гани был объявлен победителем президентских выборов и 29 сентября вступил в должность. Этому предшествовал мощный политический кризис, который, по мнению экспертов, поставил стану на грань «горячей» гражданской войны, когда соперники не сдерживали себя в заявлениях и грозили перейти к решительным действиям. Обострение обстановки в Афганистане предсказывалось многими экспертами в последние годы [18, с. 112–117; 19, с. 159–172; 20, с. 2–5]. И тем не менее для многих доноров Афганистана и международных организаций кризисное развитие событий стало неприятным сюрпризом. Потребовались международные посреднические усилия, чтобы разрешить кризис.

Соседям Афганистана и многим внерегиональным странам, кто искренне желает ему мира и развития, в разгар кризиса 2014 года казалось, что любое мирное решение, лучше гражданской войны. Поэтому Соглашение между А. Гани и А. Абдулло от 21 сентября 2014 года встретило широкое международное одобрение. После того, как кризис миновал,

*Настоящая статья – расширенная версия двух ранее опубликованных статей: Сафранчук И. А. К вопросу об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 году и судьбе политического транзита // Вестник «Таджикистан и современный мир». № 2 (45). 2015, С. 31–48; Сафранчук И. А. Переговоры А. Гани с талибами: решение или путь к новому кризису? // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. № 3 (42). 2015. С. 2–5.

международное сообщество вздохнуло с облегчением. Оно имеет тенденцию забывать о некоторых деталях прошедших событий. Теперь, когда эмоции спали, можно спокойно разобратить итоги второго тура президентских выборов в Афганистане в 2014 году.

ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Для начала обратимся к оценкам международных наблюдателей, которые присутствовали на аудите второго тура. Своих наблюдателей на аудит прислали ЕС (EU Election Assessment Team, EU EAT) и два НПО демократической направленности – «Национальный Институт Демократии» (National Democracy Institute, NDI) и «Креэтив Ассосиэйтс Интернайшнл» (Creative Associates International, CAI).

NDI на протяжении всего выборного процесса (и в первом, и во втором турах) делал заявления о его успехах. Например, в заявлении от 16 июня 2014 года о втором туре голосования, который прошел 14 июня, NDI в целом положительно оценил его проведение. Конечно, отмечались отдельные проблемы и недостатки. Но в целом тон заявления был абсолютно положительным [1]. Наблюдатели от этой организации не заметили ничего из того, на что потом жаловался лагерь А. Абдуллы (на массовые фальсификации), причем, как заявлял этот кандидат, при участии НИК. NDI, наоборот, весьма положительно характеризовал работу НИК. В общем наблюдатели от NDI не заметили, судя по заявлению организации от 16 июня, ничего, что позволяло бы говорить о масштабных фальсификациях и отмене итогов второго тура. Впрочем, NDI, видимо, в дальнейшем не настаивал на своих позитивных оценках проведения второго тура, так как решил наблюдать и за аудитом второго тура [2].

24 сентября (через несколько дней после заключения политического соглашения между А. Гани и А. Абдуллой) NDI выпустил очень короткое заявление, которое начиналось следующим образом: «NDI приветствует завершение процесса 2014 года по выборам президента и политическое соглашение, которое делает возможным первую в истории Афганистана демократическую передачу власти». Вроде бы, NDI наблюдал за процессом выборов, а не за политическим процессом вообще в Афганистане, поэтому от NDI было бы логичным услышать комментарии именно по поводу аудита и итогов выборов. Однако сам процесс выборов NDI комментирует очень скупое. В заключительном параграфе заявления говорится: «...граждане Афганистана заслуживают полного и публичного подведения итогов выборов 2014 года, в том числе своевременного обнародования всех результатов аудита второго тура. Хотя фальсификации в ходе самих выборов и некоторые проблемы в ходе аудита не позволяют итоговым результатам в точности отразить волю избирателей, но также не было обнаружено свидетельств, которые бы изменяли итоги выборов» [3]. Из этого можно понять, что NDI считает, что большинство избирателей проголосовало за А. Гани, полностью признает его победу и уверено в ее достоверности, но при этом не отрицает наличия фальсификаций и невозможности точно установить результат выборов (что, впрочем, все равно, по мнению NDI, не дает оснований сомневаться в победе А. Гани).

Группа CAI не сделала никакого официального заявления по итогам аудита – ни до, ни после заключения политического соглашения. Поэтому остается непонятным, каковы итоги миссии этой группы наблюдателей. Впрочем, 9 сентября, когда политический кризис еще был в разгаре, но аудит голосов уже был завершен (4 сентября поздно вечером была закончена проверка в рамках аудита последних бюллетеней, однако еще оставалась работа по анализу всех данных аудита и подведению его итогов), высокопоставленный сотрудник CAI Джеффри Карсон опубликовал статью на сайте организации, которую можно считать неофициальным мнением CAI по поводу афганских президентских выборов. Статья была формально не об Афганистане. Она называлась «Лечение болезни выборных фальсификаций». Но дата ее публикации (после окончания аудита второго тура выборов в Афганистане) и фотография, сопровождавшая статью (на ней были коробки с бюллетенями второго тура афганских выборов), не оставляли сомнений, что статья все-таки связана с Афганистаном. Начиналось это выражение неофициального мнения CAI по поводу афганских выборов следующим образом: «Недавние случаи системной фальсификации выборов имели место в таких странах, как Афганистан, Россия и Зимбабве. Отдельные случаи фальсификаций до сих пор встре-

чаются в США, Германии и Великобритании» [4]. Дальше в статье шли общие, сглаженные рассуждения о том, что фальсификации – это плохо, и с ними нужно бороться серьезно, систематически и т. п. Подытожить неофициальную позицию САИ можно таким образом: фальсификации в Афганистане были, о результатах выборов организация ничего сказать не может, и, вообще, фальсификации – это общемировая проблема.

На фоне таких заявлений настоящей сенсацией должно было стать заявление EU EAT, выпущенное 21 сентября, сразу в день объявления итогов выборов и подписания соглашения между А. Гани и А. Абдуллой. Озаглавлено это заявление так: «Серьезные вопросы остаются по поводу избирательного процесса в Афганистане после публикации НИК официальных итогов президентских выборов» [5] (подчеркнем, что в основной, англоязычной, версии этого заявления выбраны жесткие слова, хотя все тоже самое можно было сказать и более «обтекаемо»). Хотя сам текст заявления начинается с приветствия политического соглашения, однако сразу после этого EU EAT всего лишь «принимает во внимание» объявленный итог выборов; выражено сожаление, что не обнаружатся полные результаты голосования. И далее в заявлении приводятся слова главы миссии EU EAT в Афганистане: «Политическое соглашение было достигнуто о будущем правительстве и разделении полномочий между двумя кандидатами, это последовало после неудовлетворительного процесса аудита. Я приветствую и глубоко уважаю политическую волю к сохранению безопасности в стране. Однако ставшие явными большие масштабы фальсификаций показывают неприемлемый недостаток уважения к множеству афганцев, женщин и мужчин, которые свободно пошли голосовать, иногда с огромным риском для себя». Далее признается, что попытка отделить настоящие голоса от сфальсифицированных была неудачной: «EU EAT признает, что даже после этого полного аудита остаются вопросы и по поводу выборного процесса, и по поводу финального результата, особенно потому что аудит не смог внести полную ясность в вопрос финального результата». Подчеркнем при этом, что наблюдателей от ЕС было больше, чем от NDI и САИ, вместе взятых. 410 наблюдателей ЕС присутствовали на аудите голосов с половины всех избирательных участков и вели подробные анкеты, что позволяло делать обоснованные выводы. И эти выводы таковы: имели место массовые фальсификации, аудит не позволил исправить фальсификации в полной мере, итоговый результат вызывает вопросы.

Впрочем, это заявление настоящей сенсацией не стало, утонув в потоке комментариев, восхваляющих политическое соглашение двух соперников. Его практически не цитировали мировые и региональные СМИ, оно во многом осталось незамеченным (или вернее, проигнорированным). Сам Евросоюз тоже не стал заниматься широкой пропагандой этого заявления (хотя не вызывает сомнений, что если Евросоюз захочет, то способен организовать широкую поддержку своей позиции в СМИ, экспертном сообществе и широких кругах мировой общественности, в конечном счете сделать свою позицию хорошо известной). В данном случае, насколько можно судить, Евросоюз сознательно оставил «в тени» заявление миссии своих наблюдателей в Афганистане. Обратим внимание, что заявление EU EAT больше, чем наполовину состоит из прямой речи – цитат главы миссии наблюдателей ЕС, Тейса Бермана (голландский политик, в 2008–2014 годах депутат Европейского парламента). По всей видимости, с его мнением, пусть и вошедшим в официальное заявление, в Брюсселе и европейских столицах были согласны не все. Миссия наблюдателей ЕС была, как уже отмечалось, обширной. Ее сотрудники непосредственно наблюдали за аудитом примерно половины бюллетеней второго тура, они вели при этом подробные анкеты. Это дает техническую возможность европейским специалистам провести параллельный подсчет половины голосов избирателей на втором туре афганских президентских выборов. Однако нет никаких признаков того, что ЕС собирается обнаружить эти подсчеты.

ИТОГ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ, ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Поясним один терминологический момент. Под «итогами» выборов автор понимает объявление одного из кандидатов победителем выборов. Это итог выборов. «Результаты» выборов – это данные о количестве принявших участие в голосовании и распределении голосов между двумя кандидатами на втором туре выборов президента Афганистана. Итог выборов

объявлен: А. Гани стал президентом. Однако окончательные результаты второго тура выборов не были официально объявлены.

Второй тур президентских выборов 2014 года в Афганистане состоялся 14 июня. Сразу после этого между НИК, командами А. Гани и А. Абдулло разгорелись споры относительно заявленных командой А. Абдулло нарушениях при самом голосовании и подсчете голосов. В конце июня НИК провела две проверки. Сначала были проверены 299 избирательных участков. На 21 из них были выявлены нарушения и ошибки, в результате чего были аннулированы 250 голосов из числа, поданных за А. Гани, и 684 из числа, поданных за А. Абдулло. Такие результаты проверки только усилили протесты команды А. Абдулло (он жаловался на фальсификации и у него же в ходе проверки аннулировали больше голосов). Тогда НИК провела вторую, более масштабную проверку. Были проверены 1 930 избирательных участков в 30 провинциях (проверки проводились в самих провинциях без доставки бюллетеней в штаб-квартиру НИК в г. Кабуле). На этот раз нарушения и ошибки были обнаружены на 114 избирательных участках, в результате чего были аннулированы 6 474 голосов из числа, поданных за А. Гани, и 4 428 из числа, поданных за А. Абдулло. В общей сложности эти две проверки затронули около 15 % от всех поданных на втором туре голосов избирателей (использованных бюллетеней). Формально это можно считать достаточно масштабной проверкой, однако в ее ходе были выявлены нарушения в менее чем 1 % проверенных голосов, что фактически не меняло результаты: менялись только сотые доли процента. На этом основании НИК проигнорировала продолжавшиеся протесты команды А. Абдулло и 7 июля объявила официальные предварительные результаты второго тура: А. Гани – 4 485 888 голосов, или 56,44 % (от числа действительных бюллетеней), А. Абдулло – 3 461 639, или 43,56 % [6]. Результаты были предварительными, так как НИК объявила их не для всех 100 % действительных бюллетеней, а для 99,68 %. Было объявлено общее количество участвовавших во втором туре (количество использованных избирательных бюллетеней), количество голосов, признанных действительными и недействительными, а также количество голосов в пользу каждого кандидата, но последнее не полностью – не были объявлены подсчеты для 25 200 бюллетеней (из разных провинций).

Объявленные 7 июля официальные предварительные итоги выборов обострили политический кризис в Афганистане, переведя его в острую фазу – фактически внеправового противостояния команд А. Гани и А. Абдулло. В тот период обсуждались различные варианты внеконституционного (в том числе, силового) продолжения или, наоборот, разрешения кризиса. Многие комментаторы говорили, что Афганистан встал на грань открытой гражданской войны. Однако рассмотрение собственного политического кризиса не является предметом настоящей статьи.

При посредничестве внешних сил команды А. Гани и А. Абдулло договорились о полной проверке второго тура выборов – аудите при поддержке ООН всех бюллетеней второго тура.

Такой аудит формально стартовал 17 июля 2014 года, но прерывался буквально каждые несколько дней (20, 22, 24 июля). Потом был объявлен перерыв на религиозный праздник. Полноценно аудит заработал с 2 августа 2014 года и продолжался до середины сентября. Аудит проходил по согласованным командами двух кандидатов правилам, юридически оформленным как решения НИК. Необходимо понимать, что аудит 100 % голосов не означал полного пересчета всех голосов. Аудит определялся как «проверка процесса и процедур при самом голосовании и дальнейшем подсчете голосов». Это означает, что целью аудита было определить: имели ли место серьезные нарушения, и если имели, то в этом случае провести пересчет голосов на том избирательном участке, где такие нарушения были выявлены. По согласованным кандидатами и утвержденным НИК правилам в ходе аудита проводилась проверка материалов с каждого избирательного участка (каждому участку соответствовала одна коробка с бюллетенями) по 16 параметрам, и для каждого параметра были согласованы свои правила. При этом не любое выявленное нарушение вело автоматически к пересчету голосов и фиксации нового результата для избирательного участка. Например, проводился осмотр ограниченного количества бюллетеней в коробке – 100 – для каждого кандидата, а общее количество бюллетеней на каждом избирательном участке было 600; таким образом, в ходе аудита могло быть проверено от 100 % бюллетеней избирательного участка (если на нем проголосовало только 30 % и менее избирателей, в абсолютных цифрах – 200 и менее

человек) до 6 % (если проголосовали все 600 человек этого избирательного в пользу одного кандидата). При такой проверке бюллетеней выявлялось: правильно ли они оформлены и заполнены, не испорчены ли, правильно ли они подсчитаны за каждого из кандидатов и главное (именно по этому пункту возникало больше всего споров) – нет ли признаков заполнения множества бюллетеней одним лицом (схоже помеченные бюллетени). По каждому из этих параметров должна была набраться «критическая масса» нарушений, и для каждого параметра она была своя. Например, если среди проверяемых бюллетеней (не всех, как было сказано, а частично, в ходе аудита) обнаруживалось 10 испорченных бюллетеней и/или неправильно оформленных (без печати или с несоответствующими номеру участка серийными номерами), и/или неправильно помеченных (были согласованы правильные и неправильные пометки), тогда назначался пересчет всех бюллетеней с данного избирательного участка, а если менее 10, тогда не назначался. То есть в худшем случае могло быть так. На избирательном участке 100 использованных бюллетеней и все в пользу одного кандидата; проверяются 100 из них и обнаруживается: 9 – неправильно оформленных (без печати), еще 9 – испорченных (с чернильными пятнами на месте для пометки и т. д.), еще 9 неправильно помеченных (написано имя и т. д.); казалось бы 27 из 100 должны были аннулированы, что существенно меняет результат по такому участку (минус 27 %), но на самом деле по каждому из параметров нет «критической массы» нарушений, поэтому пересчета не проводится, результат не меняется. Приведен только пример, в реальности такие «особые» случаи могли встречаться, но не были массовыми. И вообще, было множество участков, в разных провинциях страны, где голосование и оформление избирательных материалов было проведено очень добросовестно и честно. Но повторим, было 16 параметров, по которым проводился аудит каждого избирательного участка, по 15 из них мог быть назначен пересчет голосов с последующим изменением результата (если пересчет давал изменение результата). Для каждого из этих параметров устанавливались свои правила. Полностью их пересказывать здесь не имеет смысла (в полном виде они занимают десятки страниц решений НИК), к тому же в ходе аудита правила несколько раз уточнялись (а по сути, менялись, то есть часть голосов были проверены по одним параметрам, а часть по другим). Автор лишь пытается показать, что аудит был нацелен на выявление не всех, а только существенных нарушений. Экспертная оценка настоящего автора сводится к тому, что выявленные фальсификации/ошибки, если они не превышали в среднем 5–6 % от общего количества использованных бюллетеней на участке, считались приемлемым уровнем и не вели к изменению результата. Однако были и такие случаи, когда явные фальсификации/ошибки составляли десятки процентов от использованных бюллетеней, а результат по согласованным правилам все равно не менялся (хотя такие случаи были явно редки).

Таким образом, 5–6 % фальсификаций/ошибок признавались, по сути, приемлемым уровнем. При этом надо уточнить, что каждый из кандидатов подал список из 3 000 подозрительных избирательных участков, которые требовали особенно тщательной проверки: для них не было аудита, а проводился сразу полный пересчет голосов. Таким образом, из 22 828 избирательных участков 6 000 были полностью пересчитаны без аудита. На оставшихся 16 828 участках был проведен аудит, по итогам которого были полностью пересчитаны еще 3 677 избирательных участков. На 13 151 избирательных участках был проведен только аудит без изменения первоначального результата (даже если были выявлены фальсификации/ошибки, они фиксировались в специальном протоколе, но результат голосования на участке все равно не менялся).

Не будем здесь рассуждать о том, можно ли считать уровень в 5–6 % фальсификаций/ошибок, действительно, приемлемым или он завышен (в абсолютных цифрах получается, что до примерно четверти миллиона голосов могли быть фальсифицированы безнаказанно с правовой и политической точек зрения). Настоящий автор считает общий подход правильным – необходимо было выявить массовые фальсификации, если они имели место, а не переделывать всю работу НИК, проводя тотальный пересчет голосов. И поэтому установление какого-то критического уровня нарушений – это правильно. Сами же правила в том виде, в каком они применялись и были согласованы кандидатами, и если два кандидата с ними согласились, то почему нам с ними не соглашаться? Другое дело – сработали ли эти согласованные правила так, как задумывалось? Как было показано выше, мнения на этот

счет разные. НИК и А. Гани, например, считают, что аудит позволил установить реальные результаты выборов. А. Абдулло и миссия наблюдателей ЕС сомневаются, что аудит второго тура выполнил свою задачу и дал достоверный результат, который позволяет подвести итог выборов – объявить победителя президентских выборов.

Но вернемся к результатам выборов. После завершения аудита (проверка избирательных бюллетеней была закончена 4 сентября, а последующая обработка данных и принятие соответствующих решений на этой основе сотрудниками НИК – к середине сентября) споры между кандидатами продолжились: в публичном пространстве они обменивались жесткими заявлениями, но одновременно вели переговоры при посредничестве ООН и западных дипломатов. 20 сентября был согласован текст «Соглашения между двумя предвыборными командами по поводу структуры правительства национального единства», которое завершало политический кризис вокруг итогов президентских выборов. На следующий день, 21 сентября, это Соглашение было официально подписано А. Гани и А. Абдулло. И в тот же день НИК объявил А. Гани победителем на выборах и вновь избранным Президентом Афганистана. 29 сентября прошла инаугурация А. Гани, он официально и полностью вступил в должность президента.

Однако 21 сентября НИК, объявляя итог президентских выборов – победу А. Гани, не объявил результаты (второго тура) выборов – окончательное распределение голосов между кандидатами по итогам аудита. Правда, в заявлении НИК 21 сентября говорилось, что полные подсчеты результатов второго тура переданы двум кандидатам и НИК их «опубликует в ближайшем будущем» [7]. Международные наблюдатели в своих заявлениях также отмечали необходимость обнародовать полные результаты выборов. Напомним, в заявлении NDI от 24 сентября говорилось: «...граждане Афганистана заслуживают полного и публичного подведения итогов выборов 2014 года, в том числе своевременного обнародования всех результатов аудита второго тура» [3]. В заявлении EU EAT от 21 сентября не было прямого призыва опубликовать финальные результаты, однако говорилось: «EU EAT сожалеет, что не обнародованы точные результаты голосования» [5]. Поскольку заявление EU EAT появилось 21 сентября спустя несколько часов после заявления НИК, которым А. Гани объявлялся победителем выборов, то позицию EU EAT можно понимать однозначно: европейские наблюдатели предпочли бы видеть объявление итогов выборов одновременно с объявлением их детальных результатов. Обращает на себя внимание то, что ООН, а ее офис в Кабуле, делал официальные заявления и 21 сентября [8] (после заявления НИК об объявлении А. Гани избранным президентом) и 29 сентября [9] (после инаугурации А. Гани), приветствуя в своих заявлениях официальное объявление победителя предвыборной компании, ни коим образом не комментировала отсутствие оглашения полных результатов.

Таким образом, после 21 сентября были ожидания, что НИК, как и обещала в заявлении об объявлении А. Гани победителем на выборах, в ближайшее время опубликует итоговые результаты второго тура – распределение голосов между кандидатами по итогам аудита.

26 сентября НИК утвердила результаты второго тура выборов. Но необходимо отметить два важных момента в этой связи. Во-первых, НИК утвердила результаты выборов (насколько известно) только для одного кандидата, а также общее количество голосов, признанных действительными. Во-вторых, эти результаты не были официально объявлены. Вернее, представитель НИК даже озвучил их устно журналистам, и они появились в афганской печати [10] (7,12 млн – действительные бюллетени, 3 935 567 из них, или 55,27 % – за А. Гани), но не было официального (письменного) заявления НИК с этими результатами. Возможно, эти результаты так и не получили бы хоть какого-то официального статуса. Однако 25 октября UNAMA (офис ООН в Афганистане) выпустил «Информационную записку (background note) об участии ООН в аудите президентских выборов в Афганистане 2014 года» [11]. В этой записке кратко описывалась история афганских выборов 2014 года, но самым примечательным в ней было следующее сообщение: 26 сентября НИК удостоверила (certified), что А. Гани получил 55,27 % (от голосов, признанных действительными по итогам аудита), это 3 935 567 голосов в абсолютных цифрах, при общем количестве признанных действительными бюллетеней 7,12 млн. И по настоящее время UNAMA является единственным, зато вполне авторитетным источником, где были опубликованы результаты второго тура.

Правда, эти данные опубликованы не полностью, а только для одного кандидата. Но этого

вполне достаточно, чтобы восстановить полные результаты для обоих участников второго тура афганских президентских выборов. В таблице № 1 сведены данные о результатах второго тура выборов.

Итак, результаты второго тура афганских президентских выборов 2014 года по итогам аудита таковы: 1) действительными признаны 7 120 620 голосов избирателей, 2) А. Гани набрал 3 935 567 голосов, 55,27 % от всех действительных голосов, 2) А. Абдулло набрал 3 185 053 голосов, 44,73 %.

Каковы же были масштабы фальсификаций? Этот вопрос ставился командой А. Абдулло, и на него должен был дать ответ аудит. Как было показано ранее, мнения наблюдателей разделились: все признали наличие фальсификаций, но в оценки их масштабов серьезно разошлись: NDI не считает их существенными (влияющими на результат), САИ их признало (но оговорилось, что это случается везде в мире, но в разных масштабах — в общем как бы приняло их за данность). Миссия EU EAT признала фальсификации масштабными и влияющими на конечный результат. ООН признала, что аудит подтвердил «значительные фальсификации и слабость избирательного процесса».

Но оценки могут быть разными: то, что для одного «существенно», для другого — «нормально». Поэтому обратимся к цифрам (тем более что обозначенные выше авторитетные источники, заочно поспорив о масштабах фальсификаций, так их и не назвали). По итогам аудита были признаны недействительными 988 873 бюллетеней. Учтем, что 136 766 бюллетеней были признаны недействительными еще самой НИК до аудита. Поэтому все признанные аудитом недействительные бюллетени нельзя принимать автоматически за масштаб фальсификации, надо вычесть то количество бюллетеней, которые сама НИК признала недействительными (хотя это тоже некоторое упрощение, так как были случаи, когда бюллетени, признанные НИК недействительными, при аудите оказывались действительными; но это можно отнести и к ошибкам, а не обязательно фальсификациям). Таким образом, можно признать сфальсифицированными 852 107 голосов (внутри этого количества может быть некоторое число ошибок, а не намеренных фальсификаций). Много это или «нормально»? Это 10,5 % от всех использованных на выборах бюллетеней (то есть проблемы с каждым десятком). Вряд ли можно сказать, что это мало или несущественно. У А. Гани таких бюллетеней почти в два раза больше, чем у А. Абдулло: из признанных недействительными в ходе аудита бюллетеней около 65 % — это голоса за А. Гани, 35 % — за А. Абдулло.

Учтем также, что на аудите фильтр «приемлемых нарушений» был примерно 5–6 %. Как говорилось ранее, такой порог означает, что до примерно четверти миллиона сфальсифицированных голосов могли пройти аудит без последствий для итоговых результатов. Если прибавить их к обозначенным выше 852 107 фактически установленных фальсификаций, то общее количество сфальсифицированных голосов становится больше миллиона — примерно 13–14 % от всех использованных бюллетеней.

Можно подытожить: масштабы фальсификаций на втором туре афганских президентский выборов составляли от 10 до 14 %, то есть каждый 10 или каждый 7 голос был подделан.

ПРАВОВЫЕ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ А. ГАНИ?

А. Гани стал президентом на основе политического соглашения с А. Абдулло? Если так, то можно считать, что он стал президентом на основе политической процедуры — соглашения со своим конкурентом. Или А. Гани стал президентом на основе результатов выборов? Если так, то можно считать, что он стал президентом на основе правовой процедуры — выборов.

Приводившиеся ранее заявления международных наблюдателей не дают ответа на эти вопросы. В двух заявлениях ООН (от 21 сентября, когда НИК объявила А. Гани избранным президентом, и от 29 сентября — после инаугурации) говорится, что ООН приветствует объявление итогов выборов и потом вступление А. Гани в должность, но не уточняется на каком основании (правовом или политическом). В заявлении от 21 сентября говорится об объявлении НИК А. Гани избранным президентом, а сразу после этого констатируется, что это объявление следует за подписанием политического соглашения. Подобные формулировки

сохранились и в дальнейшем (например, в докладе Специального представителя Генсека ООН для Совета Безопасности ООН от 18 декабря 2014 года [12]). Но это оставляет открытым вопрос: какова причинно-следственная связь между политическим соглашением (политическая процедура) и объявлением А. Гани избранным президентом (правовая процедура)?

А. Гани, насколько можно судить, считает, что основа его власти правовая, он объявлен президентом решением НИК. Политическое соглашение в таком случае не является основанием для решения НИК, оно лишь обеспечило мирное согласие соперника на такое решение.

В своем заявлении от 21 сентября НИК Афганистана объявила А. Гани избранным президентом именно по итогам выборов. В этом заявлении НИК вообще ничего не говорится о соглашении А. Гани и А. Абдулло. НИК подвел итоги выборов, объявил А. Гани избранным президентом, затем вручил ему удостоверение президента (инаугурация). Все это указывает на то, что для НИК А. Гани — это президент на основе подведения итогов выборов.

Но для того, чтобы считать А. Гани именно избранным президентом, чье право на должность проистекает из результатов выборов, недостает объявления этих самых результатов выборов. В заявлении НИК 21 сентября говорилось, что они будут объявлены в ближайшее время, но этого уже долгое время не происходит (и, скорее всего, не произойдет).

А. Абдулло, судя, по его заявлениям, считает, что А. Гани стал президентом на основе политического Соглашения [14; 15, с. 16–26]. В рамках этой точки зрения А. Гани стал президентом, потому что об этом он договорился с А. Абдулло в политическом Соглашении. Объявление же НИК является производной от этих договоренностей и без них было бы невозможно, так как выборы не выявили победителя. Впрочем, для того чтобы это было именно так, нужно было бы, чтобы в решении НИК от 21 сентября была ссылка на политическое Соглашение (что, правда, выглядело бы очень странно с юридической точки зрения).

Невозможно отрицать связь между политическим Соглашением и объявлением НИК о победе А. Гани. Также очевидна последовательность этих событий — сначала Соглашение, потом объявление НИК. Так было хронологически. Поэтому в Соглашении А. Гани выступает не как избранный президент, а как один из двух кандидатов (это следует и из названия документа и из всего его содержания). Вроде бы все это указывает на то, что Соглашение и решение НИК от 21 сентября взаимосвязаны, и в основе решения НИК лежит Соглашение. Однако «здравый смысл» в данном случае никак не подкреплён документально: решение НИК оформлено таким образом, что оно совсем не связано с Соглашением.

В самом Соглашении не сказано прямо о том, как этот документ связан с итогами выборов. Заключительная статья Соглашения, посвященная вступлению документа в силу, гласит: «Уважая свои обязательства по Техническому и Политическому рамочным соглашениям от 12 июля 2014 года, а также по Совместной декларации от 8 августа 2014 года, как это отражено в настоящем Соглашении, стороны подтверждают свои обязательства относительно итогов выборов и имплементации настоящего Соглашения...». Итак, в части вопроса признания итогов выборов, Соглашение отсылает к более ранним договоренностям. Обратимся к ним.

В Декларации 8 августа нет четкого положения о признании результатов выборов. Но по «духу» документ может, при несколько расширительном толковании, пониматься именно как согласие на признание итогов выборов после аудита. Во-первых, полностью документ называется так «Совместная декларация предвыборных команд относительно законного завершения второго раунда президентских выборов и формирования правительства национального единства». То есть стороны намерены завершить выборы законно: это, скорее всего, надо понимать так — в рамках правового поля. А если так, то нужно признание итогов выборов обоими кандидатами. Впрочем, можно было бы считать, что слово «законный» означает не «в рамках правового поля», а вообще что-то законное, политическое же соглашение тоже законно. Однако этот аргумент не работает из-за следующего пункта. Во-вторых, пункт 1 Декларации 8 августа гласит: «признание и уважение конституции ИРА, следование установленным ей рамкам и правилам будет основой для всех мер и реформ сейчас и в будущем». То есть все должно быть по конституции и в рамках тех процедур, которые ей предусмотрены. И это только усиливает предыдущий пункт: не просто законно (а политическое соглашение тоже законно), а именно в рамках правового, конституционного поля. Это невозможно без признания итогов выборов. Итак, Декларацию 8 августа можно трактовать как

согласие кандидатов признать итоги выборов после аудита (впрочем, любая расширительная трактовка «по духу» открыта и для оспаривания).

Политическое и Технические соглашения 12 июля не были подписаны А. Гани и А. Абдулло, поэтому отсылка к ним как к самостоятельным документам в Соглашении 21 сентября выглядит несколько странно. Эти рамочные соглашения приобрели четкий статус только, когда стали приложениями к подписанной кандидатами 8 августа Декларации, поэтому их было бы правильно определять именно как приложения к Декларации, а не как самостоятельные документы. Политическое рамочное соглашение 12 июля начинается со слов «В соответствии с результатами заслуживающего доверия и полного аудита выборов, описанного в части один (технические рамочные договоренности – Прим. авт.), кандидаты обязуются имплементировать политическое соглашение, при этом победитель выборов займет пост президента и незамедлительно сформирует правительство национального единства на основе следующих параметров...». Из этого четко следует, что выборы должны быть признаны, победитель становится президентом и после этого реализуется политическая договоренность о компромиссном правительстве. Тут текст четкий. Именно так эти договоренности понял и посредник – госсекретарь США Дж. Керри. Он публично заявил в статье для афганской прессы: «12 июля два кандидата пожали друг другу руки и согласились уважать результаты аудита» [13]. Любые рассуждения о том, что «уважать» – не значит «признать» и т. д., нельзя рассматривать всерьез.

Однако серьезным является тезис, что согласие на признание итогов выборов 12 июля не было безусловным. Его условием было не только само политическое соглашение о правительстве, но и качество аудита («заслуживающий доверия»). Обращение к заявлению миссии наблюдателей EU EAT от 21 сентября с серьезной критикой аудита, где сказано, что его итоги вызывают вопросы, может служить основанием для А. Абдулло не признавать аудит «заслуживающим доверия», а значит и не признавать итоги выборов именно как результат подсчета голосов (но при этом он может признавать А. Гани как президента, ставшего таковым в силу политического Соглашения).

Трудно не обратить внимание на то, что только в документе 12 июля А. Абдулло выразил явное согласие признать итоги выборов по итогам аудита (с оговоркой о его качестве). В последующих документах он избегал такой четкой формулировки. Что это означает? В дальнейшем он не был согласен с формулировками 12 июля? Но в любом случае они были узаконены и Декларацией 8 августа и Соглашением 21 сентября.

Таким образом, Соглашение 21 сентября (через отсылки к Декларации 8 августа и Политическому рамочному соглашению 12 июля) предусматривает признание итогов выборов по итогам аудита. Это значит, что не политическое соглашение является основанием для объявления А. Гани президентом (политические основания), а итоги выборов (правовые основания). А. Абдулло может считать, что А. Гани стал президентом на основе Соглашения, а не подведения итогов выборов, только если четко не признает итоги аудита и объявленные на их основе итоги выборов.

Резюмируя, можно сказать, что четкого ответа на вопрос – на каком же основании А. Гани вступил в должность президента? – нет. Можно обосновать, что на основании подведения итогов выборов (правовые основания). Но также можно обосновать, что на основании Соглашения 21 сентября (политические основания). Всем тем, кто следил за выборным кризисом и его разрешением, здравый смысл подсказывает, что Соглашение и объявление А. Гани президентом взаимосвязаны, объявление А. Гани президентом произошло и стало возможным только после подписания Соглашения, а значит, вытекает из этого Соглашения. Это следует из всей логики развития событий после второго тура президентских выборов, из логики переговоров между двумя кандидатами. Но это политическая реальность, которая учитывает контекст всех событий. В правовой, более технической, реальности, где существуют только сами документы и их буквальный смысл, оказывается, что этот здравый смысл не оформлен должным образом. По документам получается, что А. Гани стал президентом на основании решения НИК от 21 сентября, формально никак не связанным с Соглашением 21 сентября, и это соответствует буквальному тексту Политического рамочного соглашения 12 июля (а также Декларации 8 августа и Соглашению 21 сентября, которое имеет отсылку в части признания результатов выборов к Политическому рамочному соглашению 12 июля).

Действительно, существовало два трека разрешения выборного кризиса в Афганистане – политический и юридико-технический. Политическое рамочное соглашение 12 июля закладывало политический трек, а Техническое рамочное соглашение от того же числа – юридико-технический. В Декларации 8 августа по этому поводу говорилось (п. 3): «Как в случае с техническим треком, где две стороны создали свои рабочие команды для того, чтобы двигаться вперед в процессе аудита [...], две стороны подтверждают свою приверженность честному сотрудничеству также и на политическом треке». Соглашение 21 сентября стало результатом работы именно на этом политическом треке. И вот здесь необходимо отметить один момент, который нам представляется важным и объясняет возникшие противоречия.

Политический и юридико-технический треки были заложены одновременно соглашениями 12 июля. Однако в дальнейшем скорость движения по этим, как тогда предполагалось, взаимосвязанным трекам оказалась разной. В июле аудит голосов в рамках технического трека стартовал, а споры между двумя кандидатами по разделению политической власти нарастали. Получалось, что политический трек отстает от юридико-технического, соответственно, команда А. Абдулло стала «тормозить» технический трек. Международные посредники помогли вновь подтолкнуть политический трек (Декларация 8 августа). Но также для международных посредников в тот момент было очень важно обезопасить технический трек от неминуемых политических разногласий. Поэтому практическое выполнение Декларации 8 августа шло таким образом, чтобы максимально развести технический и политический треки, как бы для того, чтобы обезопасить технический (объективный) процесс от политического (субъективного). С позиций международных посредников это было оправдано и даже, наверное, эффективно. Однако в конце требовалось вновь свести эти два трека, чтобы не возникло разрыва между политической и юридико-технической реальностями. И вот именно этого в конце не сделали. Вернее, формально вроде бы сделали: Соглашение 21 сентября содержит отсылки к Декларации 8 августа, к соглашениям 12 июня; это можно понимать таким образом, что Соглашение урегулирует вопросы по обоим трекам. Однако на самом деле Соглашение 21 сентября так и не дает ответа на вопрос: по итогам какого трека А. Гани стал президентом – политического или юридико-технического? Или по обоим? А если по обоим, то почему решения НИК, завершающие юридико-технический трек, не содержат ссылок на Соглашение? Формально, действительно, А. Гани стал президентом по обоим трекам, но в самом конце сложного процесса разрешения выборного кризиса, не были должным образом эти два трека увязаны. А это значит, что остается политическая свобода у оппонентов А. Гани признавать его президентство, вытекающим только из одного трека – политического, на основании Соглашения (и не признавать его президентом, чьи полномочия основываются на подсчете голосов избирателей).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ЗАВЕРШИЛИСЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ – НЕТ

Политический транзит преподносился последние два года как чрезвычайно важный этап в истории Афганистана. Предполагалось, что по итогам президентских выборов 2014 года в Афганистане власть перейдет к новым законным и дееспособным властям, которые будут достаточно политически сильны и технически способны к реформам. Большинство доноров Афганистана собираются снизить поддержку этой стране, поэтому они рассчитывали на появление правительства, которое будет достаточно сильным и дееспособным, чтобы пережить такое сокращение поддержки.

В таком виде, в каком задумывалось, политический транзит точно не состоялся. По результатам выборов разразился мощный кризис, он урегулирован на условиях, которые оставляют возможность для споров и различных трактовок, противоречия в обществе обострились.

Можно считать, что политический транзит продлен до 2016 года, когда должна собраться Лоя Джирга для внесения изменений в Конституцию Афганистана. Очень важными этапами этого продленного политического транзита станут парламентские выборы 2015 года и переговоры с талибами. И парламентские выборы, и переговоры с талибами могут способствовать политическому транзиту, а могут и, наоборот, разрушить его.

Много вопросов остается и по поводу политики США в Афганистане. И дело даже не в продолжающейся неясности относительно масштабов и сроков пребывания в стране американского военного контингента. Не вполне понятны не только будущие действия США, но и совсем недавние, в том числе в период урегулирования выборного кризиса. Факт – США играли очень активную роль в его урегулировании [20, с. 44]. Однако для многих участников афганских событий так и остались непонятными их цели и намерения в этом процессе. Американцы испугались быстрого перехода к новому витку гражданской войны и ради того, чтобы не допустить этого (по крайней мере, прямо сейчас), способствовали формированию коалиции, заставив избранного президента А. Гани поделить власть со своим соперником? Или американцы не хотели видеть А. Гани сильным и успешным президентом и, чтобы сдержать его, «втиснули» его в коалицию со сторонниками А. Абдуллы? Если расширить эти вопросы, то они становятся такими: политический транзит был на грани полного провала, и американские дипломаты – хоть в каком-то, пусть и ущербном виде – его спасали; или политический транзит уже не столь важен, и все идет по какому-то другому плану?

События 2015 года подтверждают актуальность этих вопросов. Еще до президентских выборов считалось, что двумя главными приоритетами нового президента будут – экономический транзит и переговоры с талибами. А. Гани многими своими сторонниками внутри Афганистана и иностранными друзьями представлялся как идеальная фигура для решения этих задач. Особенно подчеркивали его опыт в экономической области, от него ожидали решительных и масштабных экономических реформ. Но именно в экономической области А. Гани пока мало что сделал. Надо признать, что А. Абдулла как глава исполнительного комитета тоже несет ответственность за экономическую сферу. Отсутствие серьезных шагов в экономической области можно объяснить тем, что А. Гани и А. Абдулла гораздо дольше, чем планировалось, формировали правительство. Вместо одного месяца это заняло у них фактически полгода (и даже по состоянию на июль 2015 года министр обороны до сих пор не назначен). Правда, при формировании правительства больше споров разгорелось вокруг фигур силовых министров, чем экономического блока. Можно согласиться с тем, что сам процесс формирования правительства стал сложным политическим процессом, который отвлекал время и силу, что должно было мешать решительным экономическим реформам.

Но вместе с тем надо признать, что в вопросе переговоров с талибами А. Гани взял инициативу в свои руки и резко активизировал усилия в этом направлении. Несмотря на неоконченный процесс формирования правительства, а также вопросы со стороны ряда афганских политиков по поводу переговоров, А. Гани решительно их проводил. В первой половине 2015 года из двух приоритетов – экономические реформы и переговоры с талибами – А. Гани явно уделял главное внимание переговорам.

Как стало понятно к середине 2015 года, А. Гани ведет переговоры во многом по своему усмотрению. Высший совет мира, который в 2010 году был сформирован специально для переговоров и национального примирения, в настоящее время отодвинут от процесса переговоров с талибами. А. Абдулла, второе лицо в государстве, тоже не в курсе всех деталей переговоров с талибами. Можно говорить о том, что президент А. Гани полностью взял процесс переговоров с талибами в свои руки и именно на это тратит основные свои усилия в течение 2015 года. Такая сконцентрированность А. Гани на переговорах вызывает некоторые вопросы.

До президентских выборов предполагалось, что переговоры с талибами будут вестись по итогам политического транзита, то есть с позиций абсолютно законной и дееспособной официальной афганской власти. И в этом случае, считалось, что у официальных властей будет превосходство над талибами в вопросе легитимности. Законные власти должны были вести переговоры с повстанцами. И для того, чтобы это было именно так, было важно вести переговоры именно после политического транзита.

Однако политический транзит в 2014 году не был окончен. Фактически он продлен до 2016 года, когда должна собраться Лоя Джирга и утвердить изменения в конституцию. Конечно, нельзя прервать переговоры с талибами на два года просто для того, чтобы получить необходимое время для окончания политического транзита. В этих условиях переговоры с талибами становятся очень непростой задачей: их надо как-то согласовать с продолжающимся процессом политического транзита [19, с. 3].

Действия А. Гани в 2015 году выглядят таким образом, что он прекрасно понимает проблему ведения переговоров с талибами в условиях неоконченного политического транзита, но старается использовать это по-своему.

Пока ситуация выглядит таким образом, что А. Гани активизирует переговоры с талибами, но политический транзит фактически застопорился. Нет даже ясности с тем, будут ли осенью 2015 года проведены парламентские выборы, как это предусмотрено конституцией, поскольку полномочия нынешнего состава афганского парламента истекают в октябре 2015 года. Комиссия по подготовке изменений в конституцию тоже работает не очень активно.

Таким образом, вместо того, чтобы договариваться с талибами с позиций оконченого политического транзита, А. Гани делает выбор в пользу того, чтобы договариваться с ними в процессе политического транзита. И даже может оказаться, что это договоренности – вместо политического транзита.

Летом 2014 года, по итогам второго тура президентских выборов, Афганистан погрузился в глубокий внутривнутриполитический кризис, который, как считали многие политики в самом Афганистане и международные наблюдатели, поставил страну на грань гражданской войны. И в этих условиях казалось, что разрешить кризис надо любой ценой. В результате для разрешения кризиса пришлось выйти за правовые рамки и заключить Политическое соглашение 21 сентября 2014 года. Тем самым политический транзит вышел из юридической процедуры и перешел в политическую плоскость. Но вместе с тем, тогда обе стороны его подписавшие, А. Гани и А. Абдулла, а также международные посредники, имели общее понимание – политический транзит надо вернуть в юридические рамки. И именно поэтому Соглашение 21 сентября предусматривало проведение Лоя Джирги и внесение изменений в конституцию: достигнутые договоренности, политические по своей сути, должны были быть оформлены как часть правовой системы. Таким образом, предполагалось, что политический транзит должен вернуться в правовые рамки.

Однако то, что происходит в 2015 году уводит политический транзит в совсем другом направлении. Создается впечатление, что А. Гани не спешит возвращать политический транзит в правовые рамки, а ведет его все дальше в политическую плоскость – в направлении переговоров с талибами. И в этом случае успешные переговоры с талибами могут стать для президента А. Гани возможностью отказаться от Соглашения 21 сентября 2014 года или существенно его изменить.

Если предположить, что А. Гани сможет заключить серьезное соглашение в ближайший год с руководством талибов, то это станет масштабным событием, которое тоже может быть вынесено на обсуждение Лоя Джирги. И тогда Лоя Джирга 2016 года будет обсуждать не согласованные изменения в конституцию, которые вытекают из Политического соглашения 21 сентября 2014 года между А. Гани и А. Абдуллой, а совсем другие – предложенные талибами в ходе их договоренностей с А. Гани. Что тогда будет с самим Соглашением 21 сентября 2014 года? Продолжит ли оно действовать даже без изменений в конституцию? Или А. Гани от него откажется в одностороннем порядке? И если А. Гани откажется от него в одностороннем порядке, то будет ли он признаваться после этого президентом командой А. Абдуллы? Ведь А. Абдулла и его сторонники считают, что А. Гани стал президентом именно на Основании политического соглашения.

Переговоры и договоренности с талибами должны быть процессом национального примирения. Они не должны вести к новому кризису и новым разделительным линиям в обществе. Поэтому важно, чтобы эти переговоры не подрывали основ той политической и политической системы, которая уже существует в Афганистане. В противном случае часть политических сил современного Афганистана оказывается не заинтересована в договоренностях с талибами. Если же А. Гани затеет игру по выбору для себя партнера (талибы или команды А. Абдуллы), то это может привести к новому серьезному кризису. Причем это уже будет пусть не острый, но все-таки политический кризис по поводу дележа власти, как было в 2014 году по итогам президентских выборов. На этот раз Афганистану будет грозить кризис его государственности как таковой.

Таблица

РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ТУРА ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА АФГАНИСТАНА,
2014 ГОД [20, с. 45-46]

		Явка и фальсификации		Предварительные итоги***				Окончательные результаты после аудита****			
		% избирателей		А. Гани		А. Абдулло		А. Гани		А. Абдулло	
	Всего	Всех	Голосовавших	Всего	%	Всего	%**	Всего	%	Всего	%
Всего избирателей (человек)	13000000*	100	62,38	–	34,51	–	26,63	–	30,27	–	24,5
Голосовало (всего бюллетеней использовано во втором туре)	8109493***	62,38	100	–	55,32	–	42,68	–	48,53	–	39,28
Действительные бюллетени (предварительные итоги)	7972727***	61,32	98,31	4485888	56,44	3461639	43,56	–	–	–	–
Недействительные бюллетени (предварительные итоги)	136766***	1,05	1,68	–	–	–	–	–	–	–	–
Действительные бюллетени (результаты аудита)	7120620****	54,77	87,81	–	–	–	–	3935567	55,27	3185053	44,73
Недействительные бюллетени (результаты аудита)	988873	7,61	12,19	–	–	–	–	550321	6,79	276586	3,41

Обычным шрифтом приведены данные, официально опубликованные. Курсивом приведены данные, которые не публиковались. Они определены автором на основе официально опубликованных данных.

Примечания:

* Точное количество граждан Афганистана, имеющих право голоса, неизвестно. Однако афганская НИК и международные организации оценивают общее количество избирателей в Афганистане примерно в 13 млн человек. Именно столько бюллетеней было напечатано для второго тура президентских выборов 2014 года.

** Проценты не от общего числа избирателей, принявших участие в выборах, как обычно публикуются данные на выборах в разных странах мира. В Афганистане на втором туре давались данные как процент от голосов, признанных действительными.

*** Заявление НИК от 7 июля, которым официально объявлялись предварительные итоги второго тура. Необходимо учитывать, что данные этого заявления не учитывают 25 200 бюллетеней (поэтому это и были предварительные итоги). Однако, каким бы не было решение по этим бюллетеням (они уже были признаны действительными, засчитаны все одному или другому кандидату, или как-то распределены

между ними), они могли изменить в обнародованных результатах только сотые доли процентов. Обратим внимание, что эти официальные предварительные итоги НИК никогда не отменяла. В заявлении НИК от 21 сентября, которым А. Гани был объявлен президентом, есть ссылка на заявление от 7 июля.

**** Информационная записка об участии ООН в аудите президентских выборов в Афганистане 2014 года (Оригинал на английском: Background note on United Nations involvement in audit of Presidential election 2014). UNAMA, Кабул, 25 октября 2014 года. Необходимо только уточнить, что в этом документе говорилось, что общее количество бюллетеней, признанных действительными, составляет 7,12 млн. Это явно округление до второй цифры после запятой. Пересчет имеющихся данных позволяет вычислить точную цифру – 7 120 620, она и приведена в Таблице.

THE OUTCOME OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN AFGHANISTAN AND THE FUTURE OF POLITICAL TRANSIT

*Ivan Safranchuk, Candidate of political sciences, Associate professor,
Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia.*

Summary:

This article is devoted to one of the most complicated issues of the regional politics in the Central and South Asia – the presidential elections in Afghanistan in 2014. The article studies the outcome and results of the presidential elections, political and juridical dilemmas around these results, the consequences of so called «political transit» in Afghanistan.

Keywords: *Afghanistan, presidential elections 2014, political transit.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Preliminary Statement Of The National Democratic Institute's Election Mission For Afghanistan's Presidential Election. NDI, Kabul, June 16, 2014.
2. NDI Observers Monitoring Audit of Afghanistan Presidential Runoff Ballots. NDI, July 24, 2014.
3. Robust And Public Review Needed For Afghanistan Electoral Reform. NDI, July 24, 2014.
4. *Jeffrey Carlson*. Curing The Disease Of Electoral Fraud. Creative, September 9, 2014.
5. Strong interrogations on the Afghan election process remain, after publication of the outcome of the Presidential election by the IEC. EU EAT PRESS RELEASE. Date: 21/09/2014.
6. IEC announces preliminary results of the 2014 Presidential Election run-off. EIC. Kabul, Afghanistan, 7 July 2014.
7. IEC announces results of Presidential run-off, after extensive audit of all (100%) ballots. EIC. Kabul, Afghanistan, September 21, 2014.
8. PRESS STATEMENT: UN welcomes completion of presidential elections 2014. UNAMA, KABUL, 21 September 2014.
9. PRESS STATEMENT: UN congratulates President Ghani on inauguration. UNAMA, KABUL, 29 September 2014.
10. "IEC presents President-elect with winner certificate", Tolo News, 26 September 2014.
11. Background note on United Nations involvement in audit of Presidential election 2014. UNAMA, Kabul, 25 October 2014.
12. Briefing to the United Nations Security Council by the Secretary-General's Special Representative for Afghanistan, Nicholas Haysom [as delivered]. UN. New York, 18 December 2014.
13. "Op-Ed From Secretary Kerry", Tolo News, 30 July 2014.
14. *Искандаров К. И.* К итогам президентских выборов 2014 г. в Афганистане. Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 05(38), 2014.
15. *Искандаров К. И.* Проблемы формирования правительства в Афганистане. Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 01(40), 2015. С. 11–17.

17. Сафранчук И. А. Военно-политическая ситуация в Афганистане в связи с выводом Международных сил содействия безопасности // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД России № 2 (4), 2013. С. 34–38.
18. Сафранчук И. А. Афганистан в поисках баланса // Россия в глобальной политике № 4, 2012.
19. Сафранчук И. А. Исламистская угроза для Центральной Азии: Афганистан и глобальный контекст // Индекс безопасности № 3, 2014.
20. Сафранчук И. А. Переговоры А. Гани с талибами: решение или путь к новому кризису? // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 03(42), 2015.
21. Сафранчук И. А. К вопросу об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 г. и судьбе политического транзита // Вестник «Таджикистан и современный мир». 2015. № 2 (45). С. 31–48.